

ПОИСК ВЕДЕТ «УРАГАН»

Я лежу в деревенской бревенчатой хате, приспособленной под санитарную часть. Белые простыни, белая наволочка подушки, белый халат медицинской сестры. И за окном белым-бело.

Сегодня ночью выпал первый снег. У самой оконной рамы недвижно стоят кусты в густом инее. Такой бывает черемуха в наших орловских краях. Красиво: на бледно-синем полотне неба — сверкающее серебро черемухи. Только, должно быть, холодная она, зимняя «черемуха», и вовсе безо всякого запаха.

— Снег тоже имеет запах, Никита, — возражает мне сестра. — Он пахнет свежестью.

— Разве?.. Ну, свежестью так свежестью. Не хочу спорить: вчера, когда меня привезли сюда, снега еще не было, и я пока еще не успел распознать его аромата. Верю на слово сестре. Она так мило произносит слово «свежесть», что почти физически ощущаешь его значение.

— Тебе почитать что-нибудь? — спрашивает Варя. — Есть свежая газета.

— Почитай.

— «Младший лейтенант Севастьянов при отражении ночного налета противника на Ленинград, — читала Варя, — израсходовав боевой комплект, таранил немецкий бомбардировщик. Вражеский самолет рухнул на землю. Летчик Севастьянов спасся на парашюте...»

«...Израсходовав боекомплект...» Я тоже бил по врагу активными снарядами, стрелял из пулеметов. А потом... Потом начался поединок без оружия...

Надо было разведать, где прячется неприятельский бронепоезд. Он выходил на операции только ночью или в непогоду, а днем куда-то бесследно исчезал. Все попытки выследить, найти его ни к чему не привели. Кое-кто даже усомнился: а есть ли, мол, вообще такой бронепоезд? Может, это просто какой-нибудь кочующий артиллерийский дивизион?

И вот решили организовать авиационную разведку. Выбор пал на меня.

— Ты стреляный воробей, Никита, — сказал командир. — Верю в твою звезду — найдешь таинственный бронепоезд.

Похвалил — ровно одарил крыльями. А ведь таких «стреляных» — целый полк. Однако сообразил это после. Тогда же, перед вылетом, сиял, как молодой месяц: не кому-нибудь, а персонально мне доверят такое дело!

«Яковлев» мой всегда в полном боевом. Вот и сейчас, улыбаясь всем широким открытым лицом, механик Тима Иванов доложил, что истребитель готов к вылету.

— Спасибо, Тима, — поблагодарил я работающего друга.

Из капонира — маскировочного укрытия для машины — вырuling на взлетно-посадочную полосу и через какую-нибудь минуту взлетел против стилого ноябрьского ветра и взял курс на запад, к берегам Нары. Именно откуда-то оттуда делал бронепоезд внезапные огневые налеты на передний край наших наземных войск. Где он сейчас, этот неуловимый сеятель смерти?..

Летел низко, над самыми верхушками темно-зеленых елей. Лес укрывал бесчисленное множество ратных людей, оружия и техники, припасенных, как видно, для большого, решительного сражения. На пути к фронту опасаться нечего: на фоне леса сверху трудно заметить мою машину, а если вражеские истребители и выследят меня, то все равно не рискнут атаковать на предельно малой, опасной высоте. Сложнее перепрыгнуть через линию огня. А самый опасный участок маршрута за Нарой, где в дотах и дзотах, в траншеях и блиндажах угнездились немцы. Там будут бить по мне с земли и с неба... Но это потом. А сейчас я смотрю на железнодорожные ветки, на одной из которых по-воровски притаился бронепоезд.

— Где, в каком стойбище прячется? Не может он укрываться ни на станциях, ни на полустанках. И в чистом поле тоже. А туннелей в этих местах нет. Так где же бронепоезд?

Впереди, в чадных клубах, затянувших горизонт, хаос кроваво-красных молний. Пересверк молний у земли? Нет, это взмахи губительного крыла войны над Нарой. Его не обойти ни слева, ни справа. Его можно лишь пронзить, подобно стреле. Ну что ж, ты готов ЯК мой, «яшка»?

Разгоняюсь до предельной скорости и тараню чадно-огненную стену, разделяющую землю надвое: здесь, на восточном берегу, — мы; там, за огнем и дымом, — они. Винчиваясь в клокочущий ад, я думаю об одном: только бы не врезаться во что-нибудь — в летящий снаряд или дерево, в какую-ни-

будь башню или трубу. И еще возникает сравнение: должно быть, неволя на той стороне такая же беспросветная, душная, муторная и страшная, как вот это злое крыло гари и дыма, огня и злого железа, несущего людям смерть...

Крылья ЯКа перенесли меня на западный берег Нары, откуда начиналась дорога в каторжную чужбину. Это отсюда послали бронепоезд и приказали его экипажу коптить мою землю, убивать моих соотечественников. «Убийство — освежающий ветер истории. Убивая и насилуя, не надо думать о совести, ибо совесть — всего-навсего химера». Так говорили псы-рыцари и тупоголовые, алчные пруссаки, так повторяют их потомки — истеричные ефрейторы, обожравшиеся колбасники, скопидомы-бауэры, нафаршированные чванливым высокомерием, идеей своей исключительности под солнцем...

Мысли об этом оборвала горбатая и длинная, распластанная по земле лестница. Возможно, это и есть та самая железнодорожная ветка, по которой в непогоду и темень маневрирует бронепоезд-невидимка.

Иду так низко, что вижу на шпалах рыжие шляпки крепежных костылей, а на свеженакатанных рельсах — металлически-зеркальный отблеск. Ну куда тут скрыться поезду, коли заметна всякая мелочь?

В наушники врывается запрос:

— «Ураган», я — «Земля». Почему молчите?

— «Земля», я — «Ураган». Веду поиск.

Больше мне нечего сообщить на командный пункт аэродрома. К сожалению, нечего.

По курсу темнеет перелесок. Дальше виднеется разъезд. Потом — вижу по карте — будет станция. Между Нарой и этой станцией ходит-бродит бронированный скорпион. «А ходит ли?» — начал я сомневаться, приближаясь к станционным постройкам. Возле них на меня твякнула, как неспящая дворняга, зенитная установка. Черт с тобой, твякай, тратить на тебя снаряды нет никакого резона. Еще пригодятся. Правда, я не совсем уверен в этом, но может быть.

Разворачиваюсь и лечу обратно. Зенитка-дворняга перестала лаять, отогнав непрошеного гостя от владения своих хозяев. И снова темно-зеленое пятно перелеска. На карте показан объезд — ответвление в форме дуги. И под крылом объезда, тоже в форме дуги. Рельсы, шпалы, рыжие головки крепежных костылей, металлически-зеркальный отблеск

колеи... Металлически-зеркальный? Ну-ка, ну-ка... Но под крылом уже ничего нет — ни перелеска, ни железнодорожной ветки. Проскочил.

Левый крен, небольшой разворот, и снова крылья по горизонту. Всматриваюсь в колею до рези в глазах. Все правильно, все натурально — отблеск на колее посверкивает. Да, посверкивает, посверкивает. А вот уже не посверкивает. И дальше не посверкивает. Почему? Концы дуги, упирающейся в основную магистраль, имеют отблеск, а сама дуга, вернее, некоторая часть ее, без отблеска. В чем тут дело?

Захожу еще раз и пристально всматриваюсь в перелесок, проверяю себя, не ошибся ли с этим заклятым отблеском. Так обшаривает глазами землю человек, обронивший иголку или какую-нибудь другую мелкую вещицу. Отблеска и в самом деле не было.

— «Земля», я — «Ураган», — докладываю командиру по радио, — потерял отблеск.

Чувствуется, что на командном пункте произошла какая-то заминка. Наверное, не поняли, что за отблеск я потерял. Пришлось разъяснить.

— «Ураган», вспомните явление зрительной адаптации, — советуют мне с командного пункта. — Если отблеск не появится, фуганите реактивным снарядом.

Зажмуриваюсь, чтобы немного отдохнули глаза, потом перевожу взгляд вверх и быстро — на железнодорожную ветку, что дугой идет по перелеску. Нет, отблеска снова не видно. Думаю, почему не видно. По основной магистрали блестит накат, а по дуге в перелеске не блестит. Не блестит — и все тут. Меньше ездят по этой дуге? Конечно, меньше. Но все же ездят. Так в чем же дело?

— Р-р-rrr! Р-р-rrr! — кто-то пч-собачьи зарычал слева и справа от меня. Кто же это? Оглядываюсь. «Мессершмитты» налетели, как стая голодных собак. Бьют по мне из пушек. Увертываюсь от огненных плетей и шарахаю по рельсам без отблеска реактивным снарядом. Крутой разворот с набором высоты. Пока разворачиваюсь, осматриваю воздушное пространство, считаю «мессов», висящих надо мной, и докладываю:

— «Земля», я — «Ураган». Отблеск на рельсах не появился. Ударил эрэсом — никаких изменений нет. Над перелеском четыре «мессершмитта», ведут себя агрессивно.

— Снижайтесь до бреющего и продолжайте поиск.

Приказ ясен, а обстановка туманная. Саданул сразу двумя реактивными снарядами по колее в перелеске. Вдребезги разлетелась колея, а земляного выброса от взрыва нет. Что за чертовщина?!

Свирепое «Р-р-рр!» прервало попытку разобраться в обстановке: «мессы» не на шутку затеяли стрельбу. В пушечные залпы ворвался странный радиодоклад:

— «Земля», поиск ведет «Ураган». Цель не обнаружил. Разрешите возвращаться домой.

Какой-то кошмар. Кто прячется за моим позывным? Почему торопится домой?..

— Р-р-ррр! Р-р-ррр!

Невидимая бешеная сила вырвала из рук рычаг управления самолетом и швырнула ЯК словно кленовый лист, в сторону от железнодорожной ветки. И в тот же миг с дуги в перелеске вырвалась туча лохматых шапок. Шапки эти, казалось, заполнили небо.

Не знаю, как мне удалось справиться с управлением машины, но когда я снова оказался в горизонтальном положении и немного пришел в себя, прежде всего посмотрел вниз.

Из перелеска беспрерывно поднимались огненные всплески. Так могла бить только зенитная артиллерия, сконцентрированная на очень ограниченной площади. Тут уж каждый мог понять, догадаться — внизу стоит бронепоезд. Маскировка взорвана.

Сверху меня расстреливают «худые», снизу — орудия бронепоезда. Спасибо тебе, «Земля», что приказала снизиться до бредущего полета. Именно здесь, над верхушками деревьев, мой ЯК неуязвим ни с неба, ни с тверди земной.

Но кто же говорил на моей волне?

— «Ураган», я — «Земля». Повторите доклад.

Ура! Там поняли, что...

— Р-р-ррр! Р-р-ррр! — Это бьют по мне. Бьют сверху и снизу. И тут же вместо меня говорят:

— Цель не обнаружил. Разрешите возвращаться домой.

— Батя, не верь! — передал я открытым текстом командиру полка. — Кто-то брешет на моей волне. А теперь слушай меня, батя: за Нарой на объезде стоит бронепоезд. Передай нашим артиллеристам, пусть открывают огонь по перелеску, где проложена объездная колея. Огонь, огонь по бронепоезду! Батя, ты слышишь меня?

— Слышу, Никита. Передаю команду на огонь. Уходи домой, сынок. Ух...

И снова рычание бешеных собак. Они, немецкие воздушные собаки, перегрызли радиосвязь. Теперь я остался один. Машина изорвана в клочья. Пошли, друг «яшка», домой.

Как-то боком, с креном ковыляю к Наре. Навстречу — лавина огня. С восточного берега реки заговорил бог войны, неукротимый, все сокрушающий. Там, где перелесок укрывал бронированное чудовище, все покрывается всплесками разрывов. Вместе с землей в воздух взлетают обломки шпал и куски рельсов, вывороченные кусты и какие-то другие плохо различимые предметы.

Бронепоезда больше нет. И это самое главное. А дотопаю ли я до своего аэродрома — это не столь уж важно. Если и не дотяну, так там, за Нарой, недосчитаются всего-навсего одного Никиты-летчика. Зато нет больше тайны бронированного скорпиона и самого скорпиона, уносившего каждую ночь столько человеческих жизней...

За мной идут «могильщики». Их четверо. У них восемь пушек и столько же пулеметов. Но я тоже небезоружен: у меня есть патроны и один реактивный снаряд. Очень жаль, что ЯК не может набрать высоту, однако мы с ним и здесь попробуем дать собакам сдачи.

«Мессершмитты» почему-то не стреляют. Почему? Вот один из них становится справа от меня, второй — слева. Двое остаются наверху. Теперь я понимаю, почему они не стреляют. Хотят взять меня в плен. Интересно, как это они попытаются сделать?

Молчит разбитый радиоприемник; на встречном потоке воздуха полощутся клочья обшивки крыльев и фюзеляжа; греется мотор — должно быть, перебит маслопровод; падают и падают обороты винта — барахлит «яшкино» сердце.

Правый конвойный высунулся вперед и чесанул из пулемета перед самым носом моей израненной машины. Понял команду гитлеровца: поворачивай, Никита, влево, в сторону немецкого аэродрома. Нет уж, пропади ты пропадом с твоей чужбиной! Я дико ругаюсь и выпускаю по высунувшемуся «мессу» последний реактивный снаряд. И «худого» не стало. Его как будто и не было справа от меня. До чего же хороши наши эрэсы! Жив останусь — в пояс поклонюсь конструктору этого замечательного оружия. И рудокопу, добывающему металл для снаряда, поклонюсь; и женщине, выточившей

эрэс на станке, поцелую жилистую, работающую руку; и шоферу, либо машинисту паровоза, что доставили снаряд на фронт, крепко пожму руку; и человеку, который планировал доставку оружия в войска, скажу спасибо. Мне есть кого и есть за что благодарить.

Сейчас меня убьют. Я бы тоже убил того, кто попытался посягнуть на жизнь моего напарника, товарища, друга, однополчанина. Но я не хочу ожидать расправы со мной, пока могу еще драться, защитить себя от наскока врагов. Даю правый крен и резко снижаюсь со скольжением. «Мессершмитты» проскакивают вперед. Стреляю по хвостам. «Мессы» энергично разворачиваются и снова устремляются ко мне.

Скоро спасительная Нара. На ее восточном берегу свои. Теперь меня уже не пугает линия боевого соприкосновения войск. При любом исходе — живым или мертвым — я приземлюсь на своей земле. Лучше бы, конечно, живым. Меня встретят друзья, командир. Может быть, я увижу Варю. О большем не мечтаю — только бы увидеть ее...

Минувшей ночью мне отчего-то не спалось. Сквозь дрему казалось, будто в незанавешенное окно бревенчатого дома смотрела Варя. Самой ее не было видно. Только горели глаза. Крупные и мерцающие, как звезды.

Далекая и чужая...

Но вот она приблизилась из немыслимой дали, прильнула к синеватому стеклу, и я увидел ее лицо близко, крупно. Увидел, но не удивился: ведь на меня смотрела не Варя, а обманчивый образ, созданный воображением.

«Далекая? — прошептала она и застенчиво улыбнулась. Впервые улыбнулась мне, лейтенанту Ветлугину. — Но ведь мы совсем рядом, и я тоже не хочу спать...»

И закачались, полетели стальные ноябрьские звезды за окном.

Я тихо поднялся и на цыпочках, чтобы не разбудить ребят — летчиков звена, вышел на улицу. Вари не было...

Так вот, если я перелечу Нару, может быть, мне повезет увидеть эту девушку. Но чтобы перелететь Нару, надо еще добраться до нее. А пока я в плену у вражеских истребителей: два из них опять идут по бокам, один сверху. Теперь они все стреляют, ведут упредительный огонь — не свернешь ни влево, ни вправо. А вверх и подавно не взмыть на растрепанной машине с надорванным сердцем.

Значит, на чужой аэродром, в чужое войско, в чужие руки? Значит, восточный берег Нары станет для меня чужим? И полк, знамя которого я целовал, станет не своим? И ребята, которые звали меня Никитой, пили со мной из одной кружки и ели из одной миски, превратятся в чужих людей? Значит, и Варя... и она станет врагом, что ли? И те, кто, возможно, сейчас смотрят за неравным поединком полурастрепанного ЯКа с тремя «мессершмиттами», назовут меня трусом, отвернутся и сплюнут? Тогда уж лучше смерть...

Начиналось топкое болото, вечно хлюпающее, почти незамерзающее зимой. За этим болотом лесок, а там холмистый подъем и — гутен таг, господа!.. Думай, думай, Никита Ветлугин, делай выбор, товарищ лейтенант.

Я для чего-то отстегиваю привязные ремни и потихоньку открываю фонарь кабины. Потом привязываю ручку управления и ставлю педали в нейтральное положение. Теперь я знаю, для чего все это сделал, — хочу выпрыгнуть за борг. Машина все так же будет лететь и без меня, и немцы все так же будут сопровождать ее. А я... я выпрыгну в болото без парашюта. Тут всего навсего метров пять-семь.

Гашу скорость, чтобы встречная струя воздуха не отбросила меня на хвостовое оперение. ЯК держится. Держись, «яшка», и прощай. Бокон вываливаюсь из кабины и шмякаюсь в липкую холодную жижу.

А самолет, конвоируемый тремя «мессерами», все летел и летел.

До сознания едва доходит Варин голос. Она все еще читает. А я-то...

— «Поиск ведет «Ураган», — продолжает Варя и вдруг умолкает.

Нет, это опять мне показалось, как в прошлую ночь. Никакой Вари. Мираж. Галлюцинация.

— Так ведь это про тебя, Никита!

Что-то мягкое, нежное касается моего лица.

— Ты слышишь, Никита?

Не исчезай, видение. Я ощущаю ласковую руку Вари и слышу голос ее. Я готов продолжать поиск, погибать и вновь воскресать, прыгать без парашюта в холодную болотную топь, только бы находиться рядом с ней, моей бессонной мечтой.

Загнали Варины каблуки. За дверь послышался тревожный голос:

— Доктор. Лейтенанту плохо!

И беззаботный, даже веселый баритон врача:

— Бывает, голубушка, бывает... Знаю по себе.— Варя за-
тихает и бесшумно возвращается. Она прикладывает руку
к моему лбу и откидывает прядь волос. Не знаю, сказала ли
она что-нибудь, но почудилось, будто произнесла мое
имя. Мне теперь все чудится: и огонь, и черемуха, и лю-
бовь.